
ФЕНОМЕН АГРЕССИВНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И АНГЛИЧАН

О.В. Маслова

Первый Московский государственный медицинский
университет им. И.М. Сеченова
ул. Трубецкая, 8/2, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена концептуальному анализу понятия «агрессивность» в русском и британском национальном варианте английского языка, основывающемуся на материале проведенного нами ассоциативного эксперимента в языковом сознании русских и англичан.

Ключевые слова: языковое сознание, лингвокультура.

Агрессия является объектом пристального внимания ряда гуманитарных дисциплин и особенно психологии, определяющей данное понятие как форму поведения, ориентированную на причинение вреда объекту, ср.: «агрессия — это такой тип поведения, который включает в себя намеренные обиды, оскорбления» [1. С. 28]. В настоящее время тема агрессии активно изучается лингвистикой, что в первую очередь обусловлено переходом от структурной к функциональной лингвистике, главным объектом исследования которой является человек, владеющий языком: его представления о правилах поведения, регулирующих речевое общение, о предмете речи, собеседнике. В связи с этим одна из главных проблем современной лингвистики состоит в поиске оптимальных средств речевого общения, которое актуализируется в термине «речевое/коммуникативное поведение» [3. С. 15; 6. С. 6; 7. С. 461]. Изучая данную проблему, исследователи анализируют как позитивные (вежливость, толерантность), так и негативные формы речевого поведения, к числу которых относится агрессия.

В условиях расширения межкультурных контактов участниками общения становятся представители разных культур, что ставит перед лингвистами новую задачу: сопоставление социокультурных норм и форм речевого и неречевого поведения, общепринятых в разных этнических обществах. Изучая речевое общение в контексте определенной культуры, исследователи выделяют два обуславливающих его фактора: 1) этническую ментальность представителей данной культуры (знания и оценка окружающего мира, представления о правилах коммуникативного поведения и т.п.) и 2) язык, отражающий культуру. Для обозначения взаимосвязи языка и культуры в лингвистике применяются такие ключевые термины, как «лингвокультура», определяемая как «видение мира сквозь призму языка» [2. С. 37], и «языковое сознание», под которым понимают «те особенности речевого общения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психологическим типом, мировоззрением и другими константными и переменными параметрами личности» [4. С. 465]. Таким образом, в процессе коммуникации выбор лексической единицы (а также ее значения) носителем языка обус-

ловлен рядом сопутствующих ему социальных (пол, возраст, род деятельности, уровень образования и культуры и др.) и психологических (эмоциональное состояние в процессе высказывания, знания и оценка предмета речи и др.) факторов. Основываясь на результатах проведенного нами ассоциативного анализа следующих единиц: прилагательного «агрессивный»/‘aggressive’, и словосочетаний «агрессивный человек»/‘aggressive person’ и «агрессивное поведение»/‘aggressive behavior’, — проследим далее оценочные критерии феномена агрессии как своеобразной формы коммуникативного поведения, присутствующие в языковом сознании русских и англичан. В нашем эксперименте участвовали 78 испытуемых: 50 русских и 28 представителей британской лингвокультуры.

Согласно полученным данным, на стимулы «агрессивный» и «агрессивный человек» большинство носителей русского языка указали лексему «злой» (33), подчеркивающую эмоциональное состояние субъекта. Помимо названной лексики, нами также было выделено большое количество реакций, указывающих на склонность субъекта к агрессивному эмоциональному состоянию, таких как: «неуравновешенный» (21), «вспыльчивый» (18), «не умеющий сдерживать негативные эмоции» (12), «раздражительный» (9), «эмоциональный» (9), «нервный» (9), «бешеный» (9), «нервозный» (9), «импульсивный» (9). Другая наиболее часто функционирующая в нашем эксперименте реакция на стимул «агрессивный» лексема «злой» (15), которая, в свою очередь, подчеркивает эмоционально-оценочное отношение субъекта к объекту — злоба.

Подобные ассоциации на два названных стимула были нами отмечены в языковом сознании англичан, на которые указывает единица ‘angry — разгневанный, раздраженный’, выделенная большинством испытуемых (28). При этом другие отмеченные нами реакции подчеркивают испытываемое субъектом чувство фрустрации, перерастающее в агрессивное состояние, ср.: ‘frustrated — испытывающий чувство фрустрации’ (4) и ‘that one letting the frustration become hostile to others — тот, кто позволяет испытываемому чувству фрустрации перерасти во враждебное чувство к другим’ (1). Помимо названных ассоциатов, нами также было зафиксировано большое количество единиц (33), которые характеризуют субъект по форме поведения: ‘militant — воинствующий’ (21), ‘combative — задиристый’ (10), ‘barbaric — варварский’ (1), ‘bellicose — воинственный’ (1).

В ответ на просьбу назвать примеры агрессивного поведения большинство представителей русской лингвокультуры (28) выделили лексему «драка», в основе значения которой лежит взаимное проявление агрессии субъектом и объектом. Аналогичные данной лексеме мы отметили ряд других реакций, такие как «ссора» (4), «конфликт» (3), «война» (3), «стычки» (1), «спортивные соревнования» (1). Помимо упомянутых лексем, большое число опрошенных (17) также отметили такие реакции, которые указывают на эмоциональное состояние субъекта, вызывающие агрессивное поведение, ср.: «раздражительность» (3), «ревность» (2), «зависть» (2), «приступы гнева» (2), «проявление злости» (1), «раздражение» (1), «когда человек не умеет спокойно решать проблемы» (1), «несдержанность» (1), «неуравновешенность» (1), «чувство бешенства» (1), «психическое состояние, при котором человек неадекватно себя ведет» (1), «возбудимость» (1). Ряд других наи-

более распространенных реакций (15), выделенных в нашем эксперименте, указывают на оценочное отношение объекта к обозначаемой форме поведения. К числу данных реакций мы относим единицы, которые, в свою очередь, различаются по следующим критериям: 1) эмоциональному состоянию объекта — «оскорбление» (6), «оскорбление по национальному признаку» (1), «обида» (1), «разочарование» (1), «раздражение других» (1); 2) физическому ущербу, испытываемому объектом в результате поведения субъекта — «причинение физического вреда» (1), «физическое насилие» (1), «физический контакт» (1), «издевательство над животными» (1) и 3) форме воздействия агрессором на поведение жертвы — «давление» (1).

В свою очередь, в качестве первого параметра оценки агрессивного поведения, выражаемого представителями британской лингвокультуры, выступает физический ущерб, причиняемый объекту, на который указывает лексема 'hitting — удар, поражение', выделенная большинством испытуемых (27). При этом второе место по частоте реакций на названное выше словосочетание занимает лексическая единица 'argument — спор' (25), обозначающая форму диалогической речи, направленную на утверждение каждым коммуникантом доминирующей позиции по отношению к другому, ср.: 'an angry disagreement between people/ ср.: ожесточенное разногласие между людьми' [8. С. 29]. Ряд других отмеченных нами реакций отражают этноспецифические черты агрессивного поведения в британской лингвокультуре, такие как 'advancing the other person's space — пересечение пространства другого человека' (4) и 'moving beyond what is acceptable — выход за пределы дозволенного' (1). В основе данных ассоциаций лежит такой оценочный критерий описываемого феномена, как личное пространство жертвы, на которое посягает субъект. В этом отношении агрессивное поведение расценивается представителями британской лингвокультуры как нарушение субъектом личной автономии объекта. Помимо названных единиц нами также было зафиксировано большое количество реакций, указывающих на следующие оценочные критерии обозначаемой формы поведения носителями: 1) ущербный результат, испытываемый объектом, 2) моральный оценочный критерий описываемого нами феномена и 3) эмоционально-оценочное отношение объекта к обозначаемой форме поведения. К первой группе мы относим следующие ассоциации (46): 'offensive — обидный' (23) и 'destructive — разрушительный' (23). Ко второй группе относятся такие реакции (33), как 'rude — грубый, невежливый' (25), 'impolite — невежливый' (7), 'that one who is not prone to communicate his or her needs in a good manner — тот, кто склонен выражать свои нужды в невежливой форме' (1). В третью группу мы относим следующие лексемы: 'loud — громкий, шумный' (22) и 'unpleasant — неприятный' (1).

Для более подробного анализа феномена агрессивности мы предложили испытуемым указать лексические единицы, противоположные по значению лексеме «агрессивный». Большинство представителей русской лингвокультуры выделили единицу «спокойный» (44), которая обозначает эмоциональное состояние субъекта. Подобная оценка указанного феномена подтверждается рядом других зафик-

сированных нами реакций в языковом сознании русских, указывающих на противоположные ему черты, в основе значения которых лежит чувство самообладания, ср.: «уравновешенный» (31), «сдержанный» (10), «терпеливый» (6), «умеющий контролировать свои эмоции» (2), «флегматичный» (1), «не теряющий самообладания» (1). Другие лексические единицы, выделенные в нашем эксперименте, обладают видовой семой «любовь», которая, в свою очередь, указывает на отсутствие обозначаемой черты у агрессора. При этом объектом любви выступают формы взаимоотношения («мир», «дружба»); человек, ср.: «миролюбивый» (15), «дружелюбный» (11), «человеколюбивый» (1).

Названные критерии, указывающие на эмоциональное состояние субъекта, прослеживаются в языковом сознании англичан, о чем свидетельствует наличие лексемы 'calm — спокойный', выделенной большинством испытуемых (26) в качестве противоположной единицы прилагательному 'aggressive.' Подобная форма оценки описываемого нами феномена представителями британской лингвокультуры подтверждается следующей единицей, зафиксированной в нашем эксперименте: 'relaxed — расслабленный' (1).

Для уточнения значения лексемы «агрессивный»/'aggressive' в языковом сознании русских и англичан мы выделили ряд антонимичных пар, которые позволили нам выявить более точное описание феномена агрессивности представителями двух названных лингвокультур. Так, в языковом сознании русских исследуемый нами феномен обладает такими оценочными критериями: 1) моральный критерий («злой» — «добрый», «плохой» — «хороший», «аморальный» — «гуманный»); 2) эмоционально-оценочный компонент обозначаемой формы поведения, выражаемый объектом («грубый» — «ласковый»/«нежный»/«милый», «жестокий» — «жалостливый», «громкий» — «тихий»); 3) склонность субъекта к агрессивному состоянию («вспыльчивый» — «сдержанный», «неуравновешенный» — «уравновешенный»); 4) форма личного отношения субъекта к другим («злобный» — «доброжелательный», «конфликтный» — «неконфликтный»); 5) форма поведения субъекта («нападающий» — «защитник», «адекватный» — «неадекватный», «замкнутый» — «коммуникабельный», «рассеянный» — «собранный»). В языковом сознании англичан феномен агрессивности обладает следующими оценочными критериями: 1) моральный критерий (impolite — polite 'невежливый — вежливый'); 2) форма личного отношения субъекта к другим (inconsiderate — considerate 'невнимательный — внимательный'); 3) уровень психической зрелости субъекта (unreasonable/ childish — reasonable 'неблагоразумный/детский — благоразумный').

В процессе проводимого нами интервью, в котором участвовали 58 информантов (35 русских, 23 англичанина), на вопрос «Считаете ли Вы англичан агрессивными?» большинство представителей русской лингвокультуры (возраст 27—35 лет) подчеркнули, что представителям каждого этноса свойственны негативные эмоции (раздражение, гнев и т.п.), обуславливающие агрессию. При этом один из информантов, аспирантка Московской государственной академии госслужбы по специальности «Экономист», возраст 27 лет, не считает англичан агрессивными,

на что указывают следующие отмеченные ею оценочные черты представителей данной этнокультуры: эмоциональная сдержанность, доброжелательное отношение к иностранным туристам (в частности, к русским); вежливость, проявляемая в готовности помочь другим. В свою очередь, представители более старшего поколения (возраст 65—68 лет), имеющие опыт общения с представителями британской этнокультуры, дают им противоположную оценку. Так, один из информантов (возраст 65 лет), преподаватель Московской государственной академии госслужбы, проживший в ирландской семье несколько месяцев, считает представителей данного этноса негостеприимными, что, по замечанию указанного информанта, проявляется в том, что с русских гостей взималась дополнительная плата за пользование коммунальными услугами (горячей водой). Другой информант названной выше категории, преподаватель Московского международного юридического института (68 лет), общавшийся с англичанами на конференции, отмечает, что представители британской этнокультуры склонны к конкуренции и соблюдают дистанцию во взаимоотношениях с русским. По наблюдениям данного информанта, первая оценочная черта проявляется в нежелании англичан делиться своим опытом работы, навыками и т.п. с иностранными (русскими) коллегами; вторая названная черта — в нежелании англичан поддерживать межличностные контакты с иностранными коллегами.

В свою очередь, на вопрос «Считаете ли Вы русских агрессивными?» (Do you think Russians aggressive?) представители британской лингвокультуры приписывают коммуникативному поведению русских такие черты, как прямолинейность (directness), назойливость (intrusiveness) и угрюмость (moodiness). Большинство информантов данной группы (восемь представителей английской этнокультуры, три — ирландской этнокультуры и два — шотландской этнокультуры) характеризуют первую названную выше черту русских императивной формой, выражающей просьбу: Give me some water/ср.: Дайте мне воды (вместо ‘Would you give me some water?’/ср.: Вы не дадите мне воды?) и т.п. При этом два представителя английской этнокультуры (возраст 36 лет и 42 года) добавляют непосредственное замечание, наблюдаемое в коммуникативном поведении русских, которое прямо выражает оценочное суждение к адресату, например: ‘Your sweater does not match with your trousers/ср.: Ваш свитер не идет под Ваши брюки,’ ‘This soup is undersalted/ ср.: Этот суп — недосоленный’ и т.п. Один из информантов, представитель шотландской этнокультуры (49 лет), отмечает другую форму замечания, свойственную коммуникативному поведению русских, которое указывает на физическое состояние адресанта с целью модификации поведения адресата в свою пользу, ср.: ‘It’s cold here/ср.: Здесь холодно’ (намек на просьбу, чтобы адресат включил обогревательный прибор). Подобные модели речевого поведения расцениваются представителями британской лингвокультуры как манипулятивный прием, модифицирующий поведение адресата в пользу адресанта. Как показывают наши наблюдения, самой распространенной формой, выражающей просьбу в британской лингвокультуре, является вопросительная форма, предполагающая заинтересованность адресанта в наличии возможности у адресата удовлетворить его желание,

ср.: 'Will you give me a glass of water?'/ср.: Вы не дадите мне стакан воды?' 'Do you think you could call me a doctor?'/ср.: (Как Вы думаете?) Вы не могли бы вызвать мне врача?' и т.п. Для выражения оценочного суждения собеседнику вместо акта замечания англичане предпочитают высказывать совет, который зачастую носит субъективный характер, например: 'I'd prefer to wear your sweater with jeans'/ср.: Я бы предпочел (предпочла) носить Ваш свитер вместе с джинсами', 'I'm not sure your suit fits you'/ср.: Я не уверен (на), что Ваш костюм Вам идет' и т.п. Назойливость русских, с точки зрения англичан, проявляется во вмешательстве адресанта в личную сферу адресата, в роли которого выступает незнакомый собеседник. Так, основываясь на личном опыте общения с представителями русской лингвокультуры, один из информантов, представитель английской этнокультуры (32 года), приводит следующий пример, иллюстрирующий подобную форму коммуникативного поведения: вопрос, касающийся личной автономии косвенного объекта (третьего лица), преподавателя колледжа: 'Is Dobbson a professor?'/ср.: Доббсон — профессор?' Ряд других информантов, один представитель румынской этнокультуры и один — ирландской этнокультуры, объясняют названую коммуникативную черту русских их склонностью пересекать границы личного пространства другого, в общественных местах (супермаркете, транспорте и т.п.): 1) «проталкивание» сквозь впереди стоящего человека (*pushing through a person standing ahead*) и 2) пересечение пути другого человека на очень близком расстоянии (*crossing another person way closely to him or her*). Таким образом, в британской лингвокультуре две формы поведения, наблюдаемые в коммуникативной культуре русских (прямолинейность и назойливость), предполагают нарушение адресантом личной автономии другого. Коммуникативная черта русских — угрюмость — была упомянута одним информантом, представителем ямайской этнокультуры (52 года), который описывает коммуникативное поведение представителей данной лингвокультуры следующим образом: 1) желание не всегда поддерживать диалог на межличностном уровне (в зависимости от эмоционального состояния) и 2) демонстрацию своих эмоций собеседнику. По результатам нашего анализа мы можем заключить, что агрессивность коммуникативного поведения расценивается представителями британской лингвокультуры по результату воздействия на межличностные взаимоотношения коммуникантов, а именно: 1) нарушение личной автономии адресата (осуществляемое за счет прямолинейного высказывания или назойливого поведения со стороны адресанта) и 2) фатической стороны общения, ориентированной на поддержание коммуникантами межличностного контакта.

Проведенный нами анализ позволил выделить следующие оценочные компоненты, составляющие феномен агрессивности как в языковом сознании русских, так и англичан: 1) враждебное состояние, 2) намерение субъекта, 3) взаимоотношения субъекта и объекта, 4) форма воздействия на эмоциональное состояние и поведение объекта, 5) физический ущерб, причиняемый объекту. В основе выделенных выше смысловых компонентов лежат два оценочных критерия, выражаемых представителями русской и британской лингвокультур к обозначаемой форме коммуникативного поведения: 1) моральный оценочный критерий (грубость, невежливость) и 2) эмоционально-оценочный критерий, выражаемый объ-

ектом (грубость, жестокость, неприятность). Ряд оценочных форм феномена агрессивности, выделенных в ассоциативном эксперименте представителями русской и британской лингвокультур, отражают этноспецифические черты предмета нашего исследования, к числу которых мы относим ниже-следующие ассоциаты: 1) эмоционально-оценочное отношение субъекта к объекту (враждебного характера), выделенное представителями русской лингвокультуры и 2) посягательство субъектом на личное пространство объекта, выделенное представителями британской лингвокультуры. Сравнивая параметры оценки анализируемого нами феномена в русской и британской лингвокультурах, следует отметить ниже-следующие базовые критерии оценки агрессивности коммуникативного поведения представителями двух названных лингвокультур: 1) в русской лингвокультуре агрессивность коммуникативного поведения расценивается с мотивационной стороны (проявление эмоционального состояния или межличностных взаимоотношений), 2) в британской лингвокультуре данный феномен расценивается по результату воздействия на межличностные взаимоотношения коммуникантов (нарушение личной автономии адресата или фатической стороны общения, ориентированной на подержание межличностного контакта).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Берковиц Л.* Агрессия: Причины, последствия и контроль. — М.: Наука и образование, 2012.
- [2] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): Монография. — М.: Изд-во РУДН, 1997.
- [3] *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: Учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
- [4] *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. — М.: Наука, 1993.
- [5] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-ЗАПАД, 2010.
- [6] *Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
- [7] *Швейцер А.Д.* Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [8] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge University Press, 2010.

LITERATURA

- [1] *Berkovitz L.* Agressia: prichiny, posledstviya I control. — M.: Nauka I obrazovaniye, 2012.
- [2] *Vorobyov V.V.* Linguokulturologia (teoriya I metody): Monografiya. — M.: Isd-vo RUDN, 1997.
- [3] *Kluyev E.V.* Rehevaya kommunikatsiya: Ucheb. posobiye dlya un-tov I in-tov. — M.: RI-POL KLASSIK, 2002.
- [4] *Nikitina S.E.* Ustnaya narodnaya kultura I yazykovoye soznaniye. — M.: Nauka, 1993.
- [5] *Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnaya Linguistika. — M.: AST: Vostok-Zapad, 2010.
- [6] *Sternin I.A.* O ponyatii kommunikativnogo povedeniya. — Voronezh: Izd-vo Voronezh. Un-ta, 1989.
- [7] *Shveytser A.D.* Sotsiolinguistika // Linguisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. — M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
- [8] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge University Press, 2010.

PHENOMENON OF AGGRESSIVENESS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH CONSCIOUSNESS

O.V. Maslova

I.M. Sechenov First Moscow state medical university
Trubetskaya, 8/2, Moscow, Russia, 119991

The article is devoted to the conceptual analysis of the phenomenon 'aggressiveness' in Russian and the British national variant of English, based on the material of our associative experiment in the Russian and English consciousness.

Key words: language consciousness, linguistic culture.